

СО СВОЕЙ
АНТРОПОМЕТРИЕЙ
И РОСТОМ 204 СМ
АЛЕКСЕЙ МЕДВЕДЕВ
МОГ БЫ МНОГОГО
ДОБИТЬСЯ, К ПРИМЕРУ,
В БАСКЕТБОЛЕ,
НО ОДНАЖДЫ
МАЛЬЧИШКА
ИЗ МИНСКОГО
МИКРОРАЙОНА
КУРАСОВЩИНА
ПОПАЛ
В БОРЦОВСКИЙ
ЗАЛ И ЭТО
СТАЛО ДЛЯ НЕГО
СУДЬБОНОСНЫМ
СОБЫТИЕМ.

ГУЛЛИВЕР В БОРЦОВСКОМ ТРИКО

ИГРА ДЛЯ КРЕПКИХ МУЖЧИН

— Алексей, в сферу твоих сегодняшних интересов, судя по всему, большой спорт уже не входит, тебя редко встретишь на борцовских турнирах, да и в Минске застать непросто. Основная причина — собственный бизнес?

— Можно, наверное, и так сказать. Мы с моим товарищем и партнером уже лет 15 занимаемся поставками алюминиевого профиля. Что-то новое сейчас придумать сложно, и, в принципе, нас все устраивает.

— Ты ведь окончательно простился с ковром после Олимпиады-2000 в Сиднее?

— Да, после этого превратился из профессионала в любителя.

— А в чем сейчас заключается твое любительство?

— По возможности хотя бы пару раз в неделю мы собираемся компанией, состоящей из бывших борцов и боксеров, в спортзале в Уручье, чтобы поиграть в регбол — это баскетбол с элементами регби. Чаще не получается: у всех свои дела, семьи, дети и т.д.

— Знаю, что эта игра — для крепких мужчин с бойцовским характером. Кто еще из известных личностей, помимо тебя, туда приходит?

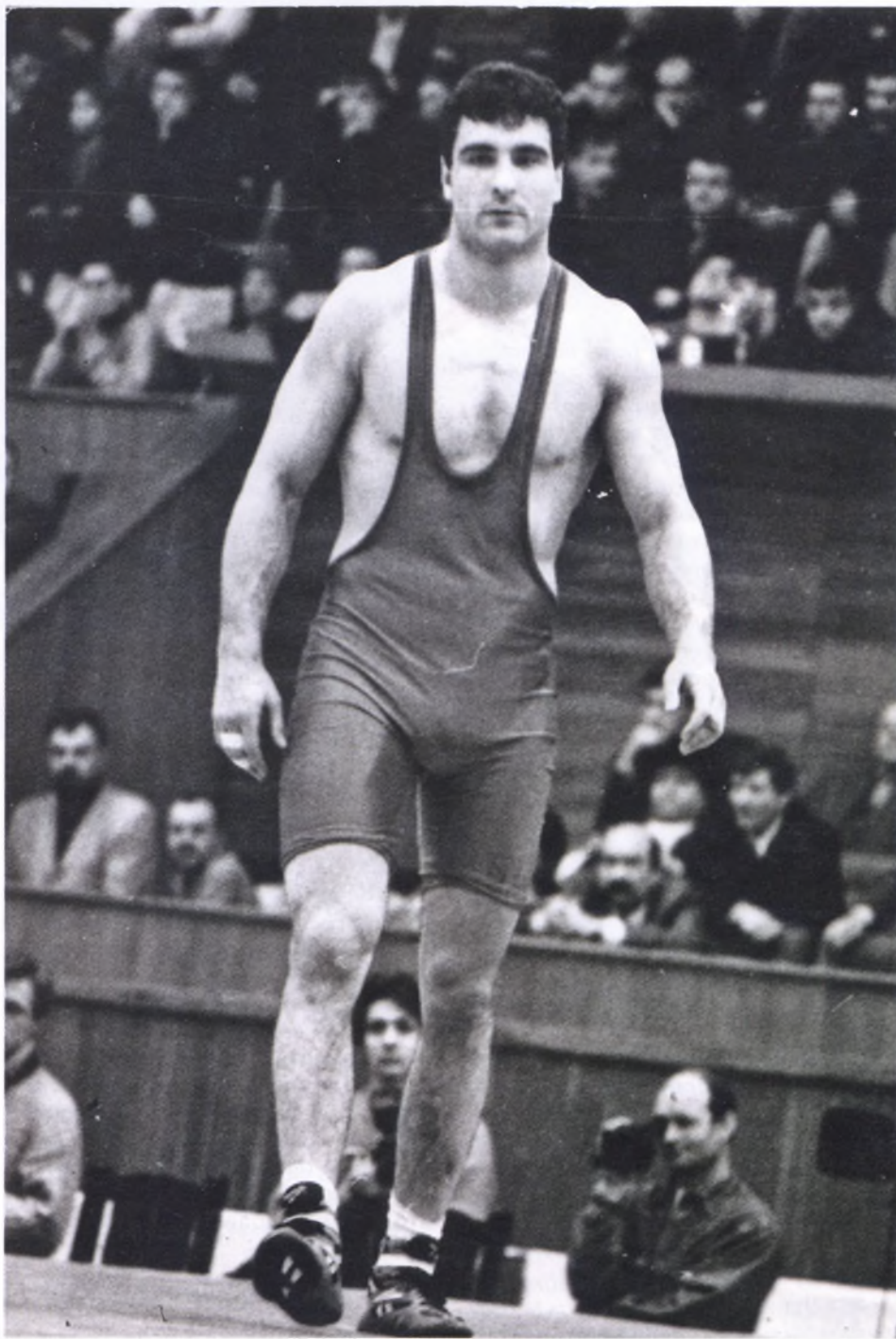
— Например, олимпийский чемпион по греко-римской борьбе Камандар Маджидов. Остальные не настолько известны, но людей собирается достаточно много. Конечно, сражаемся не так боевито и интенсивно, как в прежние времена — все же возраст дает о себе знать, однако азарт присутствует. Мы же спортсмены.

— Когда перед тобой встал выбор, чем заниматься дальше, долго колебался? И рассматривал ли профессию тренера?

— Колебаний подобного рода не было. Для тренерской работы нужно, наверное, созреть, почувствовать, что это твое призвание. Тренироваться самому и учить других все-таки разные вещи, не каждый большой спортсмен становится столь же успешным наставником. У меня к этому делу не совсем лежала душа, поэтому я выбрал другое направление в жизни.

— При этом у тебя высшее физкультурное образование?

— Да, и не только. После БГУФК учился еще в одном, уже негосударственном вузе. Правда, не окончил его, но это позволило мне, помимо приобретения по-

лезных знаний, во время учебы дважды поучаствовать в 2 чемпионатах мира среди студентов.

— И выиграть их, коль речь зашла. Ты уже в то время был женат?

— Нет, я женился позже, в 32 года.

— Где и как познакомился с будущей супругой?

— В нашем микрорайоне Курасовщина. Ирина младше меня и жила неподалеку. Познакомились мы, как ни удивительно, на улице. Я заметил ее задолго до того, но решил подойти не сразу. Однако она ответила мне взаимностью и 4 года спустя стала моей супругой.

Тренироваться самому и учить других все-таки разные вещи, не каждый большой спортсмен становится столь же успешным наставником. У меня к этому делу не совсем лежала душа, поэтому я выбрал другое направление в жизни.

— А сегодня у вас, если не ошибаюсь, уже трое детей, причем двое — взрослые и самостоятельные?

— Да, старшей Светлане 24 года, она работает в сфере IT, а средний сын Андрей учится в экономическом университете, играет там в волейбол, но не за команду вуза, а для себя. Ну а младшая Валерия еще школьница, ходит в 10-й класс и пока не определилась с будущей профессией.

— Ты ведь в детстве тоже не сразу увлекся борьбой, успев попробовать себя в горных лыжах и баскетболе.

— До той поры, пока мама, которая в студенческие годы занималась легкой атлетикой, не решила, уж не знаю почему, что мне больше подходит борьба. А в секцию при геофаке БГУ я попал за компанию с одноклассником и начал ездить туда из своей Курасовщины на 27-м троллейбусе. Небольшой зал, оборудованный в одной из аудиторий, находился на первом этаже, там тренировались дзюдоисты и вольники. Мне было лет 11 или 12, и приемам и броскам меня начали учить Александр Ильич Кацович и Сергей Петрович Леончик. Они до конца моей карьеры оставались моими наставниками.

— Ты был в то время таким же рослым?

— Не таким же, конечно. До нынешнего роста было еще далековато. (Улыбается.) Но точно выше многих сверстников.

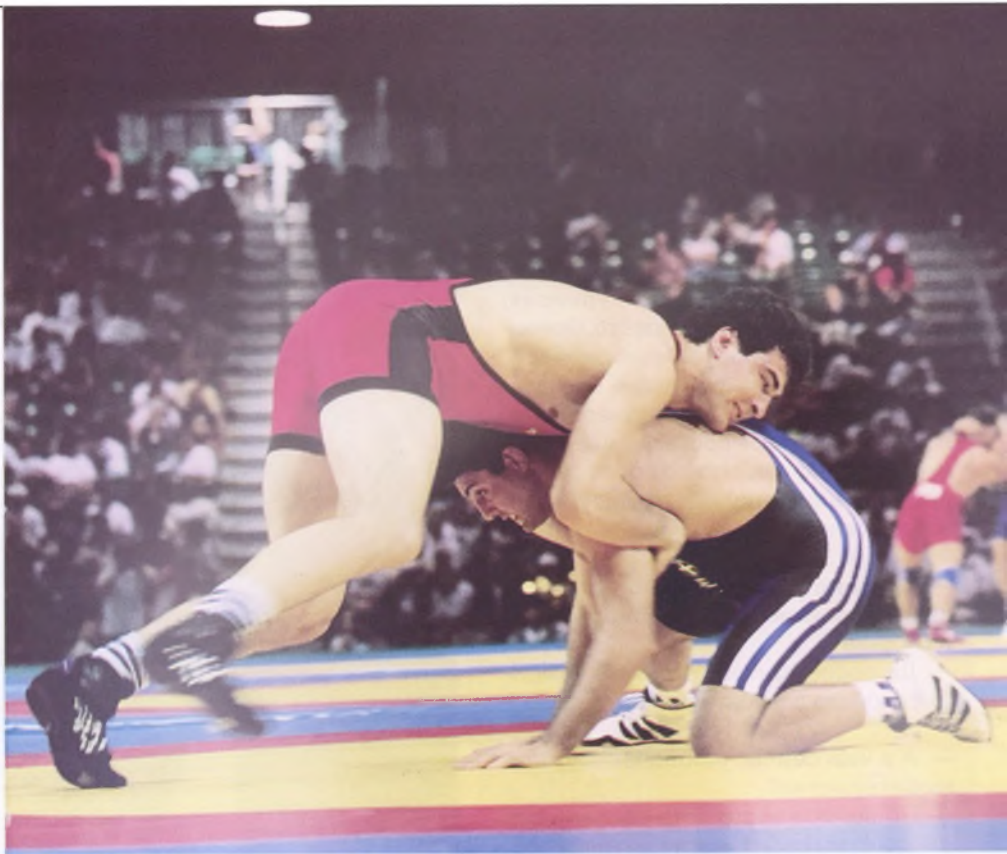
— И тебя сразу же определили в самую тяжелую весовую категорию?

— Да, с учетом возраста. Я помню, когда уже в 6-м или 7-м классе получил первую грамоту за успех на соревнованиях, по-моему, детско-юношеских спортивных школ, в ней значилась категория 66 кг.

СКОЛЬЗКИЙ «ТУРЕЦКИЙ ТАНК»

— Тебе сразу понравилось бороться?

— Было как у всех детей, наверное, которые начинают заниматься спортом: сначала они ходят за компанию, потом тренировки становятся привычкой. Постепенно начинаешь втягиваться и понимать, подходящее ты выбрал увлечение или не совсем, надо ли его менять. Так было и со мной. Когда занимался горными лыжами и баскетболом, не ощущал особого энтузиазма, а в борьбе быстро почувствовал, что мне все нравится. Ну и пошло-поехало.

— В вашем виде спорта, как правило, добиваются успеха парни с крепкими, цепкими руками. Тренеры обращают на это особое внимание. У тебя с твоими ростом и весом получалось карабкаться на канат, что называется, без ног?

— Конечно, как у всех, кто серьезно занимается вольной борьбой, даже тяжелоуловесов. Когда постоянно долбишь в одну точку, обязательно добьешься своего. С другой стороны, бывает, что парень внешне выглядит не очень мощным, однако это впечатление оказывается обманчивым. Назову в качестве самого яркого примера трехкратного олимпийского чемпиона Бувайсара Сайтиева. Встретишь его случайно на улице и, если не знаком с ним, никогда не подумаешь, что это выдающийся атлет. Но на ковре он творил чудеса.

— Когда на ковер выходят двое примерно равных по силам атлетов, что может повлиять на исход схватки?

— Претенденты на медали на самых важных турнирах, как правило, не раз уже встречались друг с другом, хорошо знакомы с сильными и слабыми сторонами основных соперников и понимают, каких подвохов от них стоит ожидать. Но и это, однако, не гарантирует победы в очной схватке, которая может пойти по непредсказуемому сценарию, не так, как ты планировал. Значит, очень важно вовремя перестроиться, изменить тактику. И здесь на первый план выходят твои хладнокровие и психологическая устойчивость.

— Можно предположить, что в финальном поединке за золото Олимпиады-1996 победивший тебя «турецкий танк» Демир оказался психологически устойчивее? Побаивался ли ты его или дело не в этом?

— Начну с того, что он был старше и опытнее. После той Олимпиады Махмут вообще закончил выступления. Те, кому приходилось бороться с турками, подтвердят, что тела у них всегда оказывались непривычно скользкими, как мы говорим, масляными. Прямо скользкие типы! (Улыбается.) Такое ощущение, что они рождаются смазанными. Нет, как таковой боязни не было. Выходя на ковер, ты в любом случае хочешь показать все, что умеешь и к чему готовился.

По удивительному совпадению вслед за легендарным Александром Медведем, который нес флаг Беларуси на открытии летних Игр-1996 в Атланте, на церемонии закрытия Олимпиады эту миссию выполнил его младший коллега, тоже вольник-супертяж Алексей Медведев.

— Как говорил философ: делай что должен, и будь что будет.

— Ну да. А иногда еще бывает, что схватка просто не складывается. Ты вроде готов на 100%, но руки не тянут, не хватает выносливости. Изюм всех сил упираешься, перестраиваешься, однако ничего не получается. Футболисты говорят в таких случаях: не пошло.

— Но в Атланте, мне кажется, изначально все для тебя складывалось очень удачно, начиная с жеребьевки. Звезды сошлись?

— Да, все довольно-таки удачно складывалось. На первом этапе благодаря жеребьевке мне противостояли вполне проходимые соперники, а в финале, думаю, я не смог должным образом настроиться, грамотно выработать тактику поединка. Но на тот момент как получилось, так получилось. Стать серебряным призером Олимпийских игр — это в любом случае достойное достижение. Я был, безусловно, счастлив, тем более что мои тогдашние 23 года для борца тяжелого веса не самый се-

рьезный возраст: ты считаешься молодым, у тебя вроде многое еще впереди. Только со временем начинаешь анализировать и понимать, что мог бы подняться и на верхнюю ступеньку пьедестала, если бы... Впрочем, как говорится, задним умом все крепки.

ШВАРЦЕНЕГГЕР, АМЕРИКА И ЛЕНИНГРАД

— В столице штата Джорджия, как известно, полным-полно достопримечательностей. В тех краях писала своих «Унесенных ветром» Маргарет Митчелл, боролся за права угнетенных Мартин Лютер Кинг, там находятся некогда самый высокий в мире небоскреб, штаб-квартира CNN, музей кока-колы... Что тебе больше всего запомнилось?

— Во время соревнований мы жили в олимпийской деревне, отлучались в город нечасто. Но в Атланте, к слову, успели побывать годом раньше, на чемпионате мира. До этого там у нас проходил

двухнедельный сбор, и мы тогда многое успели посмотреть, в том числе музей кока-колы.

А в саму олимпийскую деревню приезжали многие голливудские знаменитости, например, Арнольд Шварценеггер и актриса, которая с ним снималась в блокбастере. Жаль, забыл ее фамилию. И красавчик Дольф Лундгрэн был, и другие кинозвезды. Они общались с журналистами, у них наперебой брали интервью, с ними можно было сфотографироваться. А еще запомнилась труднопереносимая жара, влажность. Мы старалисьшний раз не выходить на улицу.

— Вы прожили там дней 10, а значит, помимо соревнований, еще и тренировались. Как ты находил себе спарринг-партнера с подходящими физическими данными?

— Отчасти этот пробел заполнял Саша Савко, вьютупавший в категории 82 кг. Бывало и такое, что договаривался провести совместную тренировку с тяжеловесом из другой страны, например, Венгрии. Как-то выходил из ситуации.

— В те годы сборная Беларуси регулярно бывала в Америке, совершая своего рода турне по разным городам. Наверняка спортсмены познакомились с этой страной основательно?

— Да, осенью после отпуска мы действительно совершали турне по Америке. В течение 2 недель разъезжали по разным штатам, сначала проводили 3, а то и 4 матчевых встречи с командой США, а потом еще принимали участие в традиционном международном турнире. Исколесили едва ли не всю страну, а учитывая то, что вольная борьба там пользуется большой популярностью, приобретали еще и очень полезный опыт.

Последний раз я был в Штатах в 2002 году, и с тех пор наверняка там многое поменялось. Но и в те времена они производили сильное впечатление: отличные скоростные дороги,

бескрайние просторы, небоскребы... А еще меня, помнится, поразило отсутствие пешеходных дорожек рядом с крупными торговыми центрами на окраине города, куда можно подъехать только на автомобиле. Сейчас и у нас есть такие магазины, например, за кольцевой, и этим уже не удивишь, а тогда было в диковинку.

— В твоей коллекции, помимо олимпийского серебра, есть медали, завоеванные на многих крупных состязаниях, включая чемпионаты мира

и Европы. А какая из них далась тебе труднее всего, самыми большими усилиями?

— Наверное, золотая медаль, добытая на первенстве СССР среди юношей в Ленинграде в 1990 году. Несколько схваток были очень тяжелыми и требовали больших физических затрат. После одной из них, с молдаванцем, помню, сердце у меня минут 25 колотилось как бешеное, не могло утихнуть.

— Кто-то из ребят, с которыми ты там боролся, вышел потом на высокий уровень?

— Нет, в моей категории никого не осталось. В более маленьких весах было несколько ребят, по-моему, из Литвы, Латвии, Армении, Грузии, которые попали во взрослую борьбу и выступали за сборные своих стран.

ВТОРОЙ ОТЕЦ

— Ты всегда был на 10 кг легче, чем допускалось в твоей супертяжелой категории: и до 125 кг, и тем паче до 130. Тебя не агитировали увеличить собственный вес, чтобы уравни-

ваться в возможностях с так называемыми «мешками»?

— Слишком большой вес тоже палка о двух концах. В чем-то будет лучше, но выносливость может упасть, а это очень ценное качество. К слову, начиная с юного возраста я боролся только в самой тяжелой весовой категории, например, на юношеском первенстве Союза в Ленинграде. А потом страна развалилась и на молодежных турнирах практически не выступал.

— Зато после уверенно наверстал упущенное на взрослых стартах, добыв бронзу на чемпионате мира-1994, хотя сама поездка в Стамбул получилась не слишком комфортной.

— Да, туда мы добирались автобусом какой-то туристической фирмы примерно двое суток. Хорошо, что хотя бы половину сидений в салоне сняли и ребята, особенно я с моим ростом, более или менее нормально поспали, вытянувшись на полу. Но назад нас везти эта компания, как выяснилось в день отъезда, не собиралась: возник какой-то форс-мажор.

В конце концов руководители нашей команды, созвонившись с начальством в Минске, договорились на совместное путешествие со сборной Украины, но, по-моему, с нашей доплатой. Переполненный автобус сначала отвез нас в Киев, и мы лишь спустя трое суток добрались до родимой стороны. Что поделаешь, бывает и не такое.

— На второй для тебя Олимпиаде в Сиднее ты занял 6-е место. Это считалось провалом?

— Не провалом, но и не достижением. Первые 2 отборочные схватки выиграл, а потом пошли уже предварительные за выход в финал, и тут на моем пути встал кубинец Родригес — мускулистый, подвижный парень, в итоге поднявшийся на 3-ю ступеньку пьедестала. Был там один момент, когда мог повернуть ход схватки в свою пользу, но я его упустил. И, вернувшись домой из Австралии, вскоре принял решение проститься с ковром.

— Не видел дальнейших перспектив?

— В каком-то смысле да, но не из-за усталости физической или моральной. Мне было 28 лет, мог бы еще бороться. Однако в нашем виде спорта, тем паче в моей категории, чтобы совершенствоваться, нужны серьезные спарринг-партнеры, в идеале даже более сильные, чем ты сам. В Беларуси же к тому времени супертяжей высокого уровня практически не осталось. Алексей Медведь, чемпион мира среди молодежи, с ковра ушел, Вячеслав

По возможности хотя бы пару раз в неделю мы собираемся компанией, состоящей из бывших борцов и боксеров, в спортзале в Уручье, чтобы поиграть в регбол — баскетбол с элементами регби.

Пирский, довольно сильный борец, тоже решил закончить карьеру — вот, считай, и все.

Нам приходилось уже ездить в Калининград на сборы, мы приглашали в Минск кого могли, матчевые встречи со сборной США в разных городах Америки приносили определенный эффект, однако цельной системы подготовки уже не просматривалось.

— И ты сразу занялся нынешним бизнесом?

— Не сразу. Года 1,5 после Сиднея, можно сказать, отдыхал и присматривался, подыскивая себе новую сферу деятельности, ведь предстояло, по сути, начинать все с нуля. Потом устроился директором в фирму, которая занималась поставкой алюминиевого профиля из России. Лет 8 там работал, наверное, а когда понял, что лучше быть самому себе хозяином, ушел и стал индивидуальным предпринимателем. Бизнес, впрочем, остался тем же.

— Тебя сейчас нечасто встретишь на околоспортивных тусовках.

— Я и не очень их люблю. Иногда прихожу на мемориал Александра Васильевича Медведя, чтобы борьбу посмотреть, встретиться с давними знакомыми, товарищами по ковра, пообщаться.

— Зато со своим неизменным наставником и вторым отцом Александром Кацовичем, наверное, виделся постоянно?

— К сожалению, Александр Ильич ушел из жизни 2 года назад. Я тренировался под его руководством с 12 лет сначала 3 раза в неделю, а потом и чаще. Мы постоянно жили в одном номере на сборах и соревнованиях. До последнего времени встречались достаточно часто. Конечно, он был мне как второй отец...

— Наступил 2026 год. Чего ты ждешь от него, какие заветные желания и мечты загадываешь?

— Насчет мечты, по крайней мере глобальной, с ходу ответить не смогу. Что касается желаний, то молодые люди зачастую с легкой иронией смотрят на пожилых, поднимающих тост за здоровье: у нас, мол, все нормально, о чем вообще речь. И только с возрастом, а мне ведь сейчас всего полтинник с небольшим, когда начинают напоминать о себе давние болячки и травмы, даже не самые серьезные, ты по-настоящему понимаешь, что дороже здоровья для человека ничего нет. Поэтому я тоже желаю его своим родным, близким, друзьям и себе, разумеется. Остальное, как говорится, приложится.